

«Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» Идентичность в современных международных отношениях

«Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» – так называется одно из наиболее знаменитых полотен Поля Гогена. Эта картина, ставшая своеобразной визитной карточкой великого художника, была вдохновлена его рефлексией процесса достижения социального идеала. В очерке «Современность и католическая церковь» Гоген поставил вопрос: «Каково наше идеальное, естественное, разумное предназначение?» Свою поездку на Таити (по итогам которой и появился его знаменитый цикл картин) он мотивировал не только и даже не столько поиском новых впечатлений, сколько стремлением к «более естественному и простому» социальному началу¹.

Знаменитая гогеновская триада возникает всякий раз, когда человек – художник или писатель, политик или общественный деятель – пытается выразить свое кредо, заставить окружающих понять и принять его мотивы и ценности, а иногда и навязать другим «свою правду».

«Тематика идентичности утвердилась в социогуманитарном научном поле полвека назад, за это время были апробированы подходы, позволяющие соотнести теоретические разработки этого многомерного концепта и эмпирические исследования динамики индивидуальных и коллективных идентичностей. [...] Почти одновременно обращение к идентичности стало нормой публичной политики, а идентичность в разных политических измерениях – привычным для политических элит понятием. Это – пример стремительного укоренения в политическом лексиконе термина, который ранее использовался сугубо в научной дискуссии», – констатирует известный исследователь данной проблематики Ирина Семененко². Подобно ищущему художнику – государства, интеграционные блоки и объединения пытаются понять и дать понять другим, кто они, куда идут и почему именно их модель развития привлекательна для остальных действующих лиц мировой политики.

В науке о международных отношениях очень часто противопоставляются попытки государств (блоковых объединений или интеграционных структур)

¹ Душенко, К.В. Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем? // Вестник культурологии. 2019. № 2. С. 150.

² Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: «Весь мир», 2023. С. 10.

утвердить некие идеалы (или ценности) «реальной политики», уподобляемой зачастую своеобразной бухгалтерии, где высокопоставленные «счетоводы» постоянно сводят политические дебаты с кредитами¹. В действительности такого манихейского противопоставления не существует. Понятие «ценность» вовсе не тождественно американским или европейским нормативным установкам, различия между ними зачастую существенны; аналогично Россия, Китай и страны «мирового не-Запада» не обладают абсолютными правами на проведение «реальной политики».

В истории международных отношений имеется множество примеров, когда ценностно-ориентированная политика дополнялась сотрудничеством с идеологическими оппонентами. И напротив, ценностная общность порой не предотвращала межгосударственные конфликты. Борьба СССР за коммунистические идеалы и альтернативную капитализму модель модернизации сопровождалась ситуативным сотрудничеством с «буржуазными» государствами (наиболее яркий пример – антигитлеровская коалиция), а установление американской демократии нередко «рифмовалось» с кооперацией с самыми жестокими авторитарными режимами. Культурно-религиозная близость Ирана и Ирака не уберегла их от восьми лет кровопролитной войны (1980–1988).

Однако использование неконвенционального внешнеполитического инструментария и нарушение сложившихся представлений о духовной или исторической близости никогда не исключало главного: каждое государство использует собственную систему «опознавательных знаков» для остального мира, всякий раз формулируя свои внешнеполитические задачи таким образом, чтобы всем остальным – и противникам, и союзникам – было ясно, каким образом государство себя позиционирует и формулирует цели национального развития. Без такой устойчивой системы символов не объяснишь ни определенные исключения из правил, ни легитимность принимаемых решений.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов многим казалось, что проблемы идентичности потеряют свою актуальность². Однако этого не произошло. Напротив, проблемы национального государства, этничности, расы, религии вновь актуализировались и породили феномен так называемой «бунтующей идентичности» (по аналогии со знаменитой метафорой Альбера Камю). Проблема восприятия, воссоздания и поддержания статуса и идентичности оказалась сильнее унифицирующего воздействия институтов современности. При этом политизация данных вопросов привела к созданию (точнее, осознанию и концептуализации) особого направления политики – политики идентичности, направленной как в будущее, так и в прошлое (историческая политика, символическая политика и политика памяти)³.

Осмысление этого вызова требует особого внимания как на академическом, так и на прикладном уровне. Первый номер «Международной аналитики» за 2024 год посвящен фактору идентичности в современных международных от-

1 Sleat, Matt. "Legitimacy in Realist Thought: Between Moralism and 'Realpolitik'." *Political Theory* 42, no. 3 (2014): 314–337; Srinivasan, Krishnan, James Mayall, and Sanjay Pulipaka, eds. *Values in Foreign Policy: Investigating Ideals and Interests*. London: Rowman & Littlefield, 2019.

2 Habermas, Jürgen. *The Inclusion of the Other*. Cambridge: MIT Press, 1998.

3 Bourdieu, Pierre. "Social Space and Symbolic Power." In *In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology*, by Pierre Bourdieu, 123–139. Translated by Matthew Adamson. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.

ношениях. Мы, как и прежде, пытаемся выстроить общее понимание этого сложного явления, обращаясь к широкому спектру страновых кейсов.

В интервью Ирины Прохоренко внешнеполитическая идентичность трактуется как «ключ к анализу, объяснению особенностей и осмыслению феноменов стратегической культуры, внешнеполитического сознания, внешнеполитической идеологии, практик стратегического планирования, а также как значимый маркер динамики этих явлений и практик». При этом, по ее мнению, государство не является единственным носителем внешнеполитической идентичности. Мы можем наблюдать становление и концептуальное оформление в стратегических документах макрорегиональной внешнеполитической и оборонной идентичности в региональных интеграционных проектах.

Статьи Виктории Журавлевой, Ричарда Саквы и Евгении Пименовой представляют условный «западный блок» номера. В работе Журавлевой выявляются и анализируются имагологические истоки современной конфронтации между Россией и США. По ее мнению, противостояние Москвы и Вашингтона – это не только расхождения по конкретным действиям оппонентов на международной арене. Не в меньшей степени оно предопределено национальными внутривнутриполитическими идеями национального развития, а также использованием противоположной стороны как значимого (конституирующего) Другого в данном процессе.

Статья Саквы предлагает эвристическую конструкцию «политический Запад» вместо устоявшейся медийной дефиниции «коллективный Запад». С его точки зрения, данный феномен возник на закате холодной войны. По мнению автора, «в отсутствие существенного конкурента, в эпоху однополярности “политический Запад” расширил свои притязания и амбиции». По сути, он позиционировал себя как «физическое воплощение “конца истории”». Однако сегодня этой монополии и претензиям на апофеоз человеческой (и политической) эволюции брошен вызов, поскольку международные отношения все больше «приобретают черты многополярности».

В тексте Пименовой рассматривается влияние текущих международных трендов на концепцию германской идентичности. Автор полагает, что задача обновления или формулирования новой национальной идеи в ФРГ в условиях стремительно меняющегося мира остается нереализованной.

Первый номер нашего журнала поднимает и немало вопросов, касающихся идентичности стран не-Запада. В статье Яны Лексютинной анализируется феномен двойной международной идентичности современного Китая. По мнению автора, сегодня в КНР диалектически сочетается представление о стране как ответственной державе мирового уровня, стремящейся к лидерству, и в то же время сохраняется идентичность крупнейшей развивающейся страны.

Работа Ирины Кудряшовой и Салеха Сейдли, а также статья Татьяны Тюкаевой формируют «ближневосточный блок» номера. В первом из упомянутых текстов авторы рассматривают сложные идентитарные поиски туркоманов Сирии и Ирака. В последние несколько лет в условиях непрекращающейся турбулентности в этих двух ближневосточных странах эта проблема значительно актуализировалась. Авторы рассматривают ее в двух контекстах – этно-религиозном и национально-государственном, – показывая непростое сочетание принадлежности общин туркоманов к арабской родине и к тюркскому миру. Тюкаева

обращается к внешнеполитической идентичности Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). По мнению автора, эмиратской монархии удалось добиться сочетания консервативных ценностей и управленческих практик с прагматическими экономическими решениями, что позволило стране занять свою особую нишу на мировой арене.

Статьи Леонида Исаева, Алисы Шишкиной и Егора Файна, а также Майи Никольской представляют «африканский блок» первого номера. Впрочем, следует сделать одну важную оговорку. Первый из представленных текстов посвящен дискурсу неокOLONиализма во внешней политике России в Африке. Авторы полагают, что дискурс неокOLONиализма занял важное место в сегодняшнем внешнеполитическом позиционировании Москвы. И среди африканских стран он находит значительную поддержку. В то же время они отмечают «достаточно высокую степень абстрактности в определении конкретных проявлений и практик неокOLONиализма». И тем не менее продвижение заявленного дискурса оставляет «достаточно большой простор для дальнейшего диалога с африканскими странами». Вторая из представленных статей обращена к анализу современных интерпретаций понятия «конголитэ» (идентичности в Демократической республике Конго). Автор разбирает три его ипостаси: правовая, электоральная, символическая.

В тексте Сергея Величина трансформация внешней политики Индии рассматривается в контексте изменений национальной элиты этой страны. Автор приходит к выводу, что магистральной линией индийской элиты является представление о необходимости утверждения страны в статусе мощного международного игрока и, возможно, одного из полюсов в условиях новой многополярности.

Работа Анастасии Павловой обращена к феномену идентичности де-факто государств. В качестве примера для анализа автор выбирает Абхазию. По мнению Павловой, внешнеполитическая идентичность республики не является статичной. Многие тезисы, которые были обозначены абхазской элитой еще на закате существования СССР, хотя и артикулируются публично сегодня, но корректируются с учетом как внутренних изменений, так и международно-политической динамики.

Завершает номер рецензия Александра Князева. Она посвящена проблемам афганской идентичности в трудах известного отечественного дипломата и востоковеда Михаила Конаровского.

Идентичность, по словам Ирины Семененко, является «формой, или своего рода матрицей, которая может вместить многообразие смыслов и ценностных ориентиров и отразить их взаимодействие»¹. Таким образом, для понимания тех или иных действий международных игроков стоит, прежде всего, обратиться к такой фундаментальной проблеме, как целеполагание, которое невозможно без выдвижения определенных ценностных и смысловых координат. Значит, фактор идентичности в международных отношениях еще не раз станет предметом анализа для авторов нашего издания.

Сергей Маркедонов, главный редактор

1 Идентичность: личность, общество, политика. С. 21.